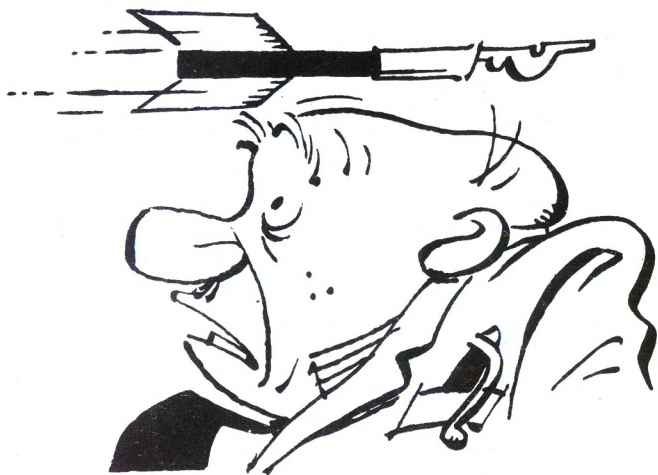

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

34
(627)

Владимир Масс

ЧУТЬ-ЧУТЬ...

Желая скрыть от читателя год своего рождения (1896-й), автор просил в виде исключения не рисовать на него шаржа и не помещать в этой книжке его изображения.

Редакция не могла отказать почтенному комедиографу и фельетонисту, одному из старейших авторов «Крокодила», в его скромной просьбе.

Да будет так!

Пусть читатель заблуждается, полагая, что помещенные в этой книжке фельетоны и пародии принадлежат перу молодого, начинающего поэта, у которого все неприятности, связанные с профессией сатирика, еще впереди.

Владимир Масс

ЧУТЬ-ЧУТЬ...

Рисунки Е. МИГУНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА 1970

Худсоветом был сценарий утвержден.
Всех пленил и сразу всех устроил он.
Все сказали:

— Смело!

— Молодо!

— Умно!

— Не банально!

— Актуально!

— Ярко!

Но...

Не мешало б (кто же станет возражать?)

Кое-что чуть-чуть подправить и ужать,

Кое-что и кое-где смягчить чуть-чуть

И чуть-чуть две-три детали дотянуть.

Так решили,

Подработали чуть-чуть,

Прочитали и сказали:

— Ну и жуть!...

Что случилось?

В чем тут дело?

В чем тут суть?

В том и суть, что все зависит от «чуть-чуть».

Так подтвердилось положение,
Что наглость терпит поражение,
Что Правда,

 пусть не вдруг, а все ж
Любую побеждает дождь,
Что Справедливость существует!
И что всегда в конце концов
Она победу торжествует
Над черным делом наглецов.

На днях мы встретили проныру.
Он не уволен,

 он — «словчил»:

Восстановился и квартиру
При институте получил.
Пока является секретом,
Кому он взятки предлагал,
Кому он лгал,

 кого пугал

И провоцировал при этом.
Но факт: пройдохе повезло.
В квартире — рай:

 светло,

 тепло,

В его распоряженьи «Волга»...
Могло ль так быть?

 Увы, могло!

Здесь восторжествовало зло,
Но, надо думать,

 ненадолго!

«ДОБРЯК»

Он добр,
он рассуждает так:
— Конечно, Коржииков — дурак.
Придет — убьет веселье, смех,
Опять в унынье вгонит всех,
Начнет брюзжать, паниковать...
Его б не надо в гости звать,

Но не позвать удобно ли?
А вдруг он так расстроится,
Что долго после этого
Не сможет успокоиться?
Он человек обидчивый...
Не лучше ли позвать?
Зачем его сердить и огорчать?

— Согласен, Крышкин — графоман,
Он настроичил большой роман,
В котором все искажено,
Банально,
плоско,
неумно...

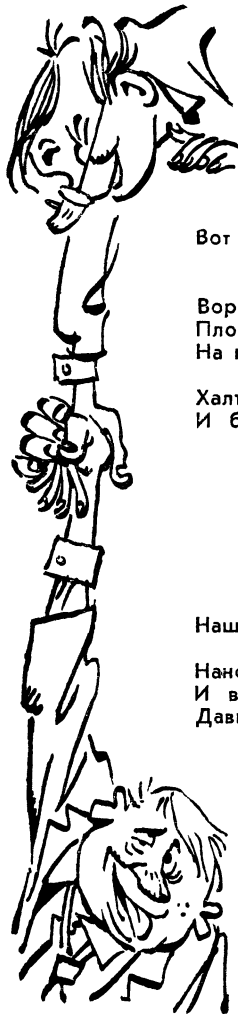
И есть один лишь верный путь:
Скорее рукопись вернуть!

Но стоит ли?
Но кстати ли?
Мы все же с ним приятели,
К нему придешь — душа болит:
Ведь у него радикулит...
Не лучше ль эту рукопись
Скорее сдать в печать?
Зачем его сердить и огорчать?

— Не спорю, Блошкин — интриган,
Он туп,
он груб,

он часто пьян,
Он врет, что взятки не берет
И что не брал их раньше — врет.
И вообще он вор и плут
Пора отдать его под суд...

Но надо ли?

Удобно ли?

Терпением он не славится,
Ему в тюремной камере,
Возможно, не понравится,
Он не привык к лишениям...
Не лучше ль подождать?
Зачем его так сильно огорчать?

Вот так

порой,

к чему скрывать? —

Вор продолжает воровать,
Плохой роман — чистейший бред
На горе всем

выходит в свет...

Халтурщик выпускает брак,
И благоденствует дурак.

Когда «добряк» и явный плут
Друг другу руку подают,
Добро и зло сливаются
В один порочный круг,
Где спят спокойно шкурники
и взятки сходят с рук.

Наш добрячок,

сомнения нет,

Наносит всем серьезный вред,
И взять такого добряка
Давно пора бы за бока...

Но стоит ли?

Удобно ли?

Вдруг он еще расстроится
И долго после этого
Не сможет успокоиться?
Вдруг он совсем лишится сна,
А у него семья,
жена,

Работа,

положение...

Не лучше ль промолчать?
Зачем его напрасно огорчать?

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Прости, читатель благосклонный,
За то, что этот фельетон
Прием использует шаблонный —
Про сон рассказывает он.
Но это сон не фельетонный,
А настоящий,

вещий сон!

А сон порой, пусть и не нов он
И пусть нелеп, вгоняет в пот!
От страшных снов не застрахован
Никто.

Так вот, под Новый год,
Чтобы его получше встретить
И, так сказать, по мере сил
Достойным образом отметить,
Степан Степаныч так решил:
Я долго врал везде и всюду,
Врал всем и даже не краснел.
Довольно!

Больше врать не буду!
Вранье должно иметь предел!

И что же?

Встретив Новый год
Среди друзей, Степан Степаныч
Успел преобразиться за ночь
И стал совсем другим:

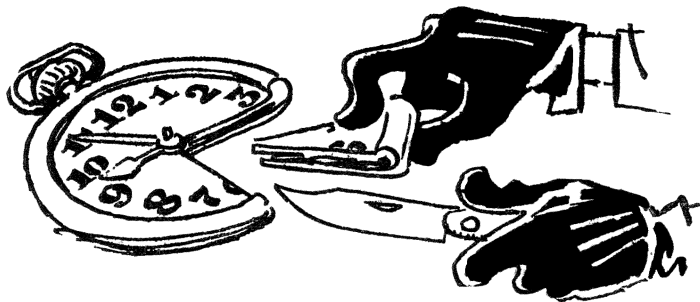
не врет!

Он был обычно осторожен,
Любил со всеми в мире жить,
Не вынимал меча из ножен,
Углы старался обходить.
Теперь же, как в каком-то раже,
Открыв в себе строптивый нрав,
Он режет правду-матку, даже
С кем надо не согласовав.
Ни с чьими не считаясь вкусами,
Открыто, без обиняков
Он называет трусов трусами,
И дураками—дураков.
Он не желает быть спокойным,
Когда другим приспичит врать,
Он все достойное достойным
Бесстрашно начал называть!
Он объявляет все дурное
Во всеуслышанье дурным...
И, как в тайге, порой ночью
Бывать опасно стало с ним.
С ним стали все предельно сухи,
Его обходят стороной.
Распространились даже слухи,
Что он психический больной.
Но Правдой он не поступился!..
Вот сон какой ему приснился!
А так-то он, наоборот,
Не стал другим,

не изменился:

Как прежде врал, так он и врет.

КОГДА-НИБУДЬ...

Когда-нибудь (это вполне вероятно,
Мечтают об этом давно)
Все будут ходить совершенно бесплатно
В театр,
на концерты,
в кино.

Бесплатность явлением станет обычным.
(Так будет, не может не быть!)
И все же мы временем нашим наличным
За зрелища будем платить.

А время, все знают, у нас золотое,
Оно пролетит — не вернешь!
Нельзя его тратить на что-то пустое,
Нельзя отдавать ни за грош!

Оно и теперь (это скажет вам каждый!)
Полно настоящих чудес,
Однако дается нам только однажды,
К тому же дается в обрез.
Вполне вероятно,
Все будет бесплатно!
Но разве в бесплатности суть?

Народ не потребует:
— Деньги обратно!
Но время
Захочет вернуть.

Художникам в ту долгожданную эру
Придется (сомнения нет!)
За всякую скуку, и вялость, и серость
Держать всенародный ответ.

С растратчиков времени взыщут.
Их даже
Потянут, наверное, в суд,
И там непременно накажут за кражи
Бесценных часов и минут.

Пусть лучше не ждут от потомков пощады!
Суров будет в будущем спрос
За плоские мысли
с экранов,
с эстрады.

С трибун
и газетных полос.

Растрату часов приравняют к разбою.
(Так будет, не может не быть!)
Давайте же время
свое и чужое

Как можно дороже ценить.

И если вы роль свою плохо сыграли,
Послали халтуру в печать,
Сырой и штампованный фильм показали
И отняли этим,
вернее, украли

У зрителей час или пять,
Вы сами в милицию,
начотделенья

Звоните,
не ждите ни дня!

И требуйте:
— Я совершил преступленье!
Хватайте, вяжите меня!..

Нам скажут, что это преувеличенье,
Что это гипербола, но
Во всем, что изложено тут, без сомненья,
Есть, как говорится, «зерно».

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КРЫЛОВА

Годам,
столетиям вопреки,
Всем
с детства
памятная книжка!..

Подслеповатая Мартышка,
В сердцах крошащая очки...
«Парнас»...

«Демьянова уха»...
Два пса вцепляются друг в дружку...
Кукушка хвалит Петуха
За то, что хвалит он Кукушку...
Иван Андреич!

Пусть ты сед —
Твой смех не смолк,
он бодр и громок.
В свои всего лишь 200 лет
Ты юн,

как дальний твой потомок!
Ты, если б с нами был сейчас,
Свои узнал бы персонажи.
Ты б с ними встретился не раз,
Кой-кто из них в почете даже!
Ты б встретил, дедушка Крылов,
И в жизни и в литературе
Своих Стрекоз,

Чижей,
Ослов,
Своих Волков
в овечьей шкуре.

Коты, подобные твоим,
Пока еще у нас нередки,
И Гуси есть еще,
чьи предки
Слали, как всем известно, Рим.

Еще Ослы по временам,
Как знатоки-авторитеты,
Нижестоящим Сольвьям
Дают ослиные советы.
Твой Волк по-прежнему жесток
И действует все так же тонко,
Любой используя предлог,
Чтоб с аппетитом съесть Ягненка...

Как часто, глядя на Вола,
Лягушка тщится с ним сравниться,
Или бахвалится Синица,
Что может море сжечь дотла.
И хоть вперед ушла наука,
Но до сих пор еще всерьез
Все те же Лебедь, Рак и Щука
Везти один берутся воз.

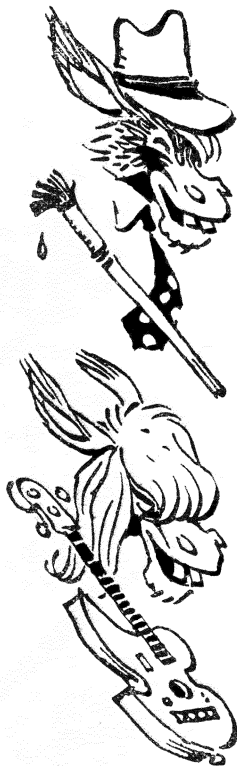
Пускай по-новому одеты
(Не шутка все же — 200 лет!)
Твои звериные квартеты
Хотят дивить искусством свет.
И музыканты всюду есть
Из тех, что видят суть задачи
Не в мастерстве,
а в том, чтоб сесть
Не так,

а как-нибудь иначе.
И Повар твой, болтун, фразер,
Не потерял к вину влеченья
И так же любит до сих пор
Читать Котам нравоученья.

Еще и в наши времена
Порой иная Моська злая,
Авторитет поднять желая,
Истошно лает на Слона,
Пугаясь собственного лая.

Нет, ты не устарел, старик!
Ведь что ни строчка — то цитата!
Ты так же мудр,
глубок,
велик

И злободневен,
как когда-то.

«Мурлыча, кошка так неслышно
Выходит греться на крыльцо...»

«...Брожу на станциях зеленых,
Лечу в неистовых вагонах,
А где-то станция глухая,
И кто-то бродит на перронах».

«А случилось это далеко,
Вылился туман, как молоко,
На озера,

на дорогу,

на крыльцо,

На мое с веснушками лицо...»

«Я подвержена идее
Побывать на Зейдер-Зее...» и т. д.

(Из стихов молодых поэтов)

Давайте судить без парадных фанфар,
Без скидок,

пожестче,

построже!..

Что это?

Парнас или птичий базар?

Базар не базар, но похоже!

Опять, как когда-то, поэты-дрозды

Свои оставляют повсюду следы.

Мы птенчиков видим —чижей и чижих

И бодрое слышим чирикание их.

Синичкам и прочим пернатым сродни,

Довольствуясь, в сущности, малым,

Беспечно и мило щебечут они,

Порхая

по разным журналам.

С журнальных страниц

на страницы газет

Пичужки различной расцветки,

Почти не имея особых примет,

Порхают,

как с веток на ветки.

ДИАЛОГИ

1

НЕБОЛЬШАЯ ПОПРАВКА

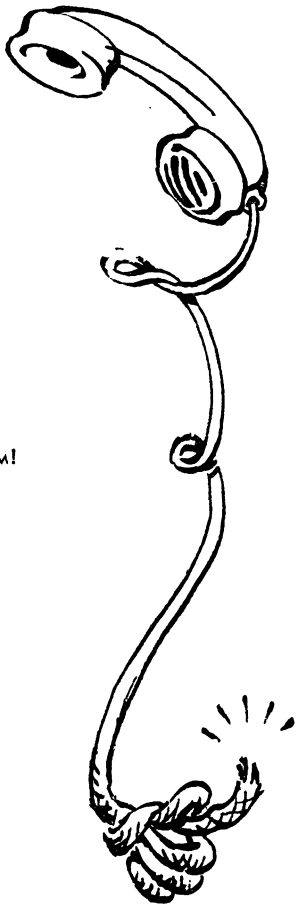
(телефонный разговор редактора с киносценаристом).

...— Сценарий?..

Как же, прочитал! Ну что ж,
Он получился. В общем, он хорош.
Все живо, интересно, очень мило,
И лишь одна деталь меня смутила:
У вас сосед героя, генерал,
Какому-то мальчишке-пионеру
В финале дважды в шашки проиграл!
Тут, братец, вы — того! Забыли меру!
Не нужно! Неудобно, милый друг,
Зачем вам это? Генерал — и вдруг...
Ведь он у вас с большим военным стажем!
Не лучше ли, чтоб это был, ну, скажем,
Полковник или лучше — капитан!
Поверьте мне, так требует экран...
Хотя и капитан не для экрана!
Давайте лучше вместо капитана
Возьмите лейтенанта!.. Впрочем, нет,
Есть у меня для вас другой совет,
Верней, идея смелая одна:
Не надо лейтенанта!.. Старшина!
Что скажете? А то давайте так:
Не старшина, а писарь. Нет, завмаг!
Простой завмаг — трудящийся прилавка.
Как вам такая нравится поправка?
Ну, или, скажем, дворник, например?
А лучше бы не дворник, а курьер!
Сосед — курьер. Играет в шашки плохо.
Вот ваш малыш его и обыграл.
Тут будет все: характер, быт, эпоха,
И правда чувств,

и правильный финал.

Я знаю, вам не занимать таланта.
Сценарий станет глубже и острее.
Даю вам на поправку десять дней
И жду от вас второго варианта.

ВСЕ ПОНЯТНО

- Про Петю Крышкина слышали?
 — Нет, не слышал. А что с ним?
 — Сняли!
- Наверно, пил?
 — Да нет, не пил,
 Напротив, трезвенником был!
- Зазнайство? Превышенье власти?
 — Нет!
- Что-нибудь по женской части?
 — Ну что вы, нет, помилуй бог!
- Ужиться с кем-нибудь не мог?
 — Нет!
- Обленился?
 — И не это!
- Анкета?
 — Нет, и не анкета!
- Был груб?
 — Да нет, совсем не груб!
- Так, значит, глуп?
 — Нет, и не глуп!
- Брал взятки?
 — Нет, другие брали!
- Крал?
 — Нет, не крал. Другие крали,
 Но крали тайно от него...
- А он не видел?
 — Ничего!
- С ним было так легко, приятно...
 Спросите всех его друзей,
 Все подтвердят, что он...
 — Понятно:
 Не вор,
 а просто ротозей!

ЖИВУЧИЕ АНАХРОНИЗМЫ

1

ХАНЖА

Он всюду твердит, что вино — это яд,
Что брак без взаимной любви — это ад,
Что критика тем нам полезней, чем строже,
Что критику надо уметь принимать,
Что в мире нет звания важней и дороже,
Нет слова нежней и прекрасней, чем «мать».

Он учит,
Верней, поучая, вещает,
Что жирная пища нам жизнь сокращает.
Что нужно учиться,
Что нужно читать,
Что можно
Иначе
От жизни отстать,
Что нет в настоящее время на свете
Проблемы,
Важней и серьезней, чем дети,
Что нужно любить их и нежно беречь,
Не сбрасывать труд воспитания с плеч.

А сам он работает мало и скверно,
А сам он спесив и заносчив безмерно,
А сам он давно ничего не читал
И очень заметно от жизни отстал.
Он циник,
Лентяй,
Лицемер и обжора,
С женой у него что ни вечер, то ссора,
А матери он не писал уже год
И даже забыл, где старушка живет.

Но вот он увидел трибуну —
И снова
Могучий
Гремит его голос сурово,
И в зал низвергается слов водопад
О том, что вино — это медленный яд,
Что нет в настоящее время на свете
Проблемы
Важней и серьезней, чем дети,
Что надо культуру труда поднимать,
Что всем нам
Судить себя следует строже,
Что в мире нет звания важней и дороже,
Нет слова нежней и прекрасней, чем «мать».
По счастью, все чаще в плохом настроенье
У нас пребывают такие ханжи:
Теперь не слова нам нужны —
Поведенье!
Теперь не болтай,
А пример покажи!

2

РУКОВОДЯЩИЙ ЧУРБАН

Как в доте,
В кабинете учрежденья
Сидит чурбан, исполненный презренья.
Любимое занятие его —
Тут времени и сил ему не жалко —
Кому-нибудь испортить торжество,
Кому-нибудь в колеса вставить палку.
Конечно, он упорно, каждый раз
Вас будет уверять, что «весь к услугам»,
Что человеку человек у нас
Обязан братом быть и верным другом,
Но почему-то этот друг и брат
Вас с кашей съест, как говорится, рад
И, ничего еще не зная толком,
Уже глядит на вас голодным волком.
Его неодолимое стремленье
Принизить,
Воспрепятствовать,
Не дать,
Принять от человека заявленье
И сбоку сделать надпись:
«Отказать!»...

У малышей в руках опасен острый нож.
Еще опасней — власть
В руках таких «вельмож».
Тем и другим, чтоб избежать напасти,
Не надо ни ножом давать, ни власти.

3

«НЕПРИМИРИМЫЙ»

Когда он видит поведение
Иных «дельцов», забывших стыд,
В нем закипает возмущенье
И он теряет аппетит.
Его гнетет и раздражает
Нечестность,

ханжество,

вранье,

Но он тактично выражает
Негодование свое.
Он счел бы просто неприличным
Поймать преступника с поличным.

Иных к ответу не мешало б
Призвать за ложь и воровство,
Но протоколы,

книги жалоб

И нарсуды —

не для него!

Зачем шуметь на всю округу?
Он лично действует умней:
Бежит домой,

зовет супругу

И все

рассказывает ей.

ГЛАВНАЯ ОШИБКА

Всегда в самом себе он ошибался,
Считал себя не тем, чем он являлся.
Он мнил себя добрейшим из людей,
А был, как шавка, зол и даже злей,
Был глуповат, но твердо убежден,
Что интеллектуален и умен.

В других он тоже вечно ошибался,
В ком не было сомнений —

сомневался,

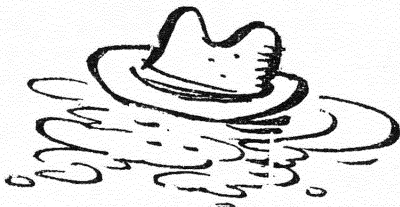
Ценил и награждал не мудрецов,
А явных подхалимов и льстецов.
Все новое считал он ненормальным,
А все давно отжившее — похвальным.

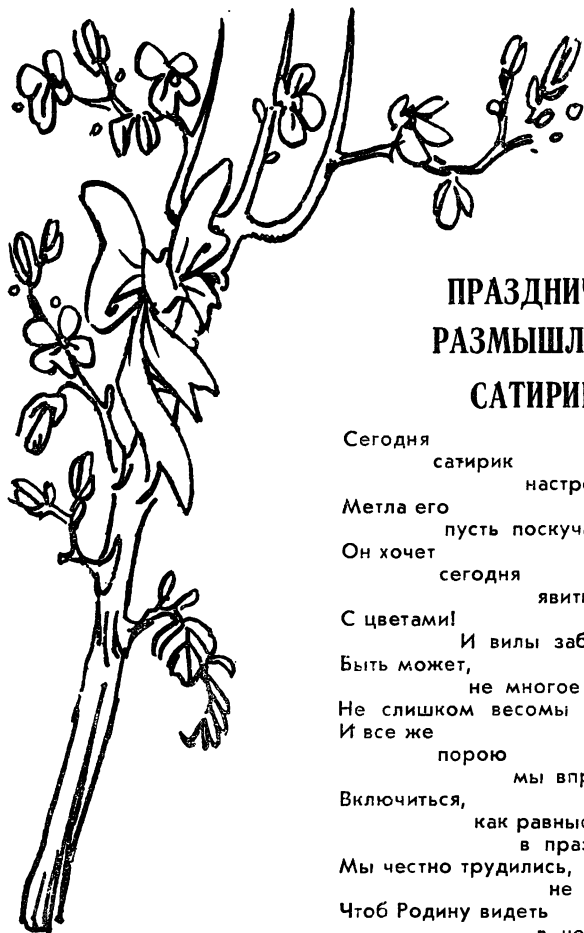
Беда была, однако, только в том,
Что и другие ошибались в нем
И долго чем-то значащим считали.
Когда же ошибаться перестали,
Он сразу потускнел,

утратил вес,

Потом притих,

потом совсем исчез.

ПРАЗДНИЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ САТИРИКА

Сегодня
сатирик
настроен на оду,
Метла его
пусть поскучает в углу.
Он хочет
сегодня
явиться народу
С цветами!
И вилы забыв и метлу!
Быть может,
не многое сделано нами,
Не слишком весомы архивы заслуг,
И все же
порою
мы вправе с цветами
Включиться,
как равные,
в праздничный круг.
Мы честно трудились,
не требуя льготы,
Чтоб Родину видеть
в чести и в цвету!
Никто не хулил
своей черной работы —
Стоял на посту,
наводил чистоту!

Конечно, отрадней
выращивать розы,
Конечно, с навозом
возиться трудней,
Но, «ассенизаторы
и водовозы»,
Не зря мы работой
гордимся своей.
Пусть всякого сору
осталось немало
(Сметаешь, а он возникает опять!),
Но скольких
«объектов сатиры»
не стало,
С которыми
нам
довелось воевать!
Пусть мы не всегда
своего добивались,
Пытаясь
сатирой
выскребывать грязь,
Есть многое,
с чем мы смеясь расставались
И с чем мы
навек
расстались смеясь!
Есть даты и дни
необычного рода:
Сегодня
такое
в стране торжество,
Что если сатирик
собьется на оду —
Поймите его
и простите его!

ТАЛАНТ И КОНСУЛЬТАНТ

Художник Заяц написал этюд
И льву принес свой труд
На суд.
Свежо и с молодым задором
Он написал закат над косогором,
Поляну, лес и облака,
Порозовевшие слегка..
Зайчонок явно обладал талантом.
Лев не приблизился к холсту:
Он переслал картину ту
Кроту.
(Крот состоял при нем ученым консультантом.)
— Не вижу,— Крот сказал,— ни леса, ни заката,
И облаков не вижу... Слабовато!
Рисунок вял, а колорит нелеп!..
Нет вовсе мастерства в этюде этом!..
Как все Кроты, Крот-консультант был слеп,
Но... Лев считал его авторитетом.

Здесь две морали.
Первая: Кроты
Не обладают чувством красоты.
Другую сформулируем мы так:
Львы есть и умные, а этот был дурак.
А впрочем, та ли, эта ли мораль,
А Заяца жаль!

СЛАВА И ЗАПЛАТА

«Что слава! Яркая заплата...»
(А. С. Пушкин.)

В каком-то городе, когда-то,
Перед отелом, у крыльца
Со Славой встретилась Заплата
На ветхом рубище певца.

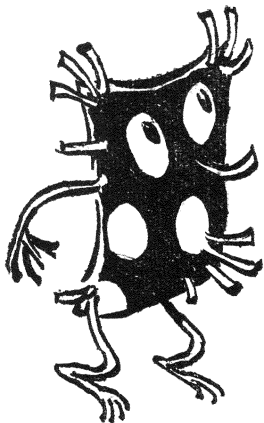
— Прошу простить,—сказала Слава,—
Мы с вами даже не родня,
И я не понимаю, право,
Чем вы похожи на меня?

Как я должна понять поэта?
«На ветхом рубище певца»!
Вздор!.. Чепуха...

Он, верно, это
Сболтнул для красного словца...
Какое сходство между нами
Поэт увидел? — вот вопрос.
Сравню ем этим мне, как даме,
Он оскорбление нанес!..

Была не в силах дама эта
Понять метафору поэта,
Ей был враждебен, даже дик
Метафорический язык.

А мы одно лишь скажем здесь:
Порой где слава, там и спесь.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка на лугу увидела Вола.
Она завистлива была,
Но, чтоб смешной не показаться,
Не стала надуваться.
Она примерилась сначала,
Но, вспомнив про свое болотное
жизье,

Сказала «ква»
и ускакала.
А Вол надулся на нее.

Ты б не узнал теперь, Крылов,
Своих Лягушек и Волков.

ПОВЕЗЛО!

Конечно, это случай очень редкий:
Один официант, из молодых,
Однажды не заметил чаевых,
Оставленных клиентом под
салфеткой.

Вот так в тот раз, не взяв «на чай»,
Помимо своего желанья,
Он стал примером подражания,
Почти героем, невзначай.

Мораль: как часто мы не знаем,
Где обретем, где потеряем!

ДОБРЫЙ ГАД

В одном краю,
за горной кручей
Настиг ягненка
гад ползучий,
Но почему-то не спешил
И долго жертву не душил.
Хотя ягненку было очень скверно,
И был он бел от страха, как крахмал,
Гад с ним играл, лаская лицемерно,
И в дружбу лез,
и нежно обнимал,
Пока не завопил ягненок невезучий:
— Коль уж поймал,
души скорей, не мучай!
Пусть лучше сразу мне придет конец!..
Но три часа еще с ягненком
Играл ползучий, как с ребенком
Играет любящий отец.

Мораль вместить в одну мы можем фразу:
Ягненок прав:

уж лучше — сразу.

КРИВАЯ РОСТА

По доброте ли,
Сгоряча ли
Его вначале
Величали,
Грехов его не замечали,
Качали,
Лаврами венчали,
Когда сбивался, выручали,
Упорно поднимая ввысь...
Потом, качая, уронили,
Поднять, естественно, забыли,
Час или два отбой трубили
И разошлись.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Небезызвестные Мартышка и Очки
Играли как-то в «дурачки».
Во время этих «дурачков»
Почти что с самого начала,
Под самым носом у Очков
Мартышка явно плутовала:
Все у Мартышки дамы, короли...
И странно:

 это преступленьё
Очки заметить не могли,
Очки,
 которые другим даруют зреньё!

Мораль сей басенки проста.
Не только в баснях наблюдать могли вы:
Иные, может быть, и прозорливы,
Но не желают видеть ни черта!

НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ

Лежал окурок рядом с урной:
До урны он не долетел.
Поступок явно некультурный,
Как видно, место тут имел.
Но не сердись, читатель, и учти:
Окурок был на правильном пути.

ПОЭТЫ
О ВРЕМЕНИ
И
О СЕБЕ

Евгений ВИНОКУРОВ

ТЕРПЕНИЕ

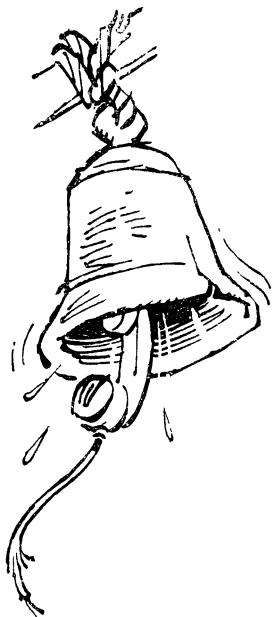
Опять, стирая грязное белье,
Жена дугой склонилась над корытом,
Мне даже стыдно, глядя на нее,
Таким красивым быть и знаменитым.
На улице зима. Метет метель.
А мне тепло. Ни суеты, ни скуки.
Суп подогрет, постелена постель...
Жена! Ее заботливые руки!
Любовь? Увы! Ее простыл и след,
Но все стерплю я — слезы и придирки
Ведь вот уйдет — и ни обеда нет,
Ни варки нет, ни штопки нет, ни стирки.

«...А я опять на всю вселенную
звоню».

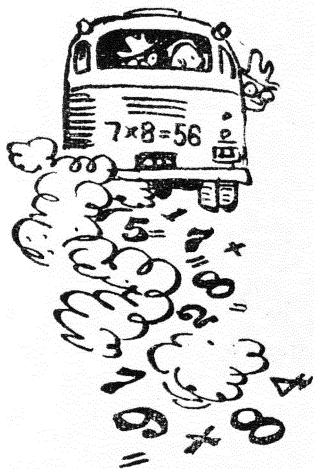
ЗВОН

(Из новой поэмы)

Пишу...
Контакта нет...
Звоню из автомата...
Контакта нет и нет...
Ночь...
Осень...
Льют дожди...
Я виноват...
И ты...
Нет, ты не виновата...
Звоню...
Постой...
Зачем?..
А впрочем...
Подожди...
Не в тесной будке, нет,
Вот тут, на этом стуле,
За письменным столом...
Звоню...
Контакта нет...
Короткие гудки...
Но не звонить могу ли?
И я звоню,
звоню...
Вот скоро двадцать лет...
Ты скажешь:
не звони!
Но как же мне, поэту,
Молчать?
Прости, но я
себе не изменю!
Звоню на всю страну,
звоню на всю планету,
Звоню на всю вселенную...
Звоню!

КТО ВИНОВАТ!

Беда!.. Остановилось
Внезапно все движенье:
Попала под автобус
Таблица умноженья!
Имело это бедствие
Ужасные последствия.
Неприятностей не счесть!
Пятью девять стало шесть!
Семью восемь стало двадцать,
Трижды девять — двадцать пять.
Невозможно разобраться,
Ничего нельзя понять!
Что-то страшное творится!
Дважды три не шесть, а тридцать!
Неожиданно возник
Милиционер.
— Где тут этот озорник
Боря Заходер?
Это он любитель, он
Всех таких сюжетов!..
Так я был препровожден
В секцию поэтов.

Вадим ШЕФНЕР

«Вчера я встретил женщину. Давно ли
Она прекрасной девушкой была».

Порой весна сменяется зимой,
Глубокою зимой еще до срока...
Вот взять хотя бы женщин... Боже мой!
Как зремя их уродует жестоко!..

Тому назад лет сорок, сорок пять
Познал я власть любовного угара...
Она была... Да что там вспоминать!..
И вот вчера мы встретились опять,
Но мне, увы, она уже не пара!

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА

Мне в руки попал подстрочник одного стихотворения.

Привожу его дословно:

«В морозный день, зимой я прогуливался в лесу. Возвращаясь домой, я увидел лошадь, которая тянула сани (повозку) с хворостом. Рядом с санями, держа лошадь под уздцы, шагал очень маленький мальчик. Он был в пальто на меху, в больших сапогах. В руках у него были перчатки».

Поскольку мне был неизвестен оригинал стихотворения, с которого сделан этот подстрочник, я попросил некоторых наших известных поэтов проделать обычную для переводчиков работу, то есть то, что знаменитый антрополог и скульптор профессор М. Герасимов определяет, как восстановление лица по черепу.

Полученный результат дал мне возможность сделать интересное научное открытие: восстановление стиха по подстрочнику отличается от восстановления лица по черепу тем, что при этом странным образом восстанавливается прежде всего лицо самого восстановителя — поэта-переводчика.

В этом легко можно убедиться, ознакомившись с предлагаемыми образцами.

Сергей СМИРНОВ

Серебрился иней на осинах.
Шел малыш и кнут держал в руках.
Шел не в зарубежных мокасинах,
А в простых отцовских сапогах.

Рядом конь, безмолвное создание.
Оба, осознав свои права,
Возвращались, выполнив задание,
Заготовив на зиму дрова.

Вот красноречивая картина
О явлении важном и большом:
Работоспособная скотина
В деловом контакте с малышом.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

В бараний рог трубил мороз.
Метель металась, злясь и плача.
Кончался век.

С дровами воз
Везла ободранная кляча
Без имени...

А рядом с ней,
Освищенный ветрами всеми,
Шел он — не карлик, не пигмей,
А просто мальчик. Шел, как время,
Как пять веков, из года в год
Шел к Дульцинее Дон-Кихот,
Как Гамлет из ворот дворца
В бреду своих фантазмагорий,
Когда все стихло в Эльсиноре,
Шел, чтоб увидеть тень отца.

Михаил СВЕТЛОВ

Здравствуй, мальчик! Ни к чему смущенье!
Мне с тобой сегодня по пути.
Поспеси в мое стихотворенье
И свою лошадку захвати.

Мы поговорим о том, об этом,
Ей я дам овса, тебе — конфет.
Почему не поболтать с поэтом,
Если он действительно поэт?

Нелегко работать на морозе!
Знаю, знаю так же, как и ты:
Иногда у нас в стихах и в прозе
Очень не хватает теплоты.

Мало и романтики к тому же.
А ведь наша русская зима —
Это не снега, не просто стужа,
Это как поэзия сама!

Ну же, мальчик, дай скорее руку!
Ничего, что я не сверстник твой.
Мы попьем чайку, разгоним скуку,
А потом уж с хворостом — домой.

Расул ГАМЗАТОВ

Скрипела арба. Мул жевал удила.
Поклажа бедняге была тяжела.

Качал головою измученный мул,
Он хворосту воз круто в гору тянул.

Метель завывала. Мальчишка простой
Шел важно и медленно рядом с арбой.

Отцовская бурка на детских плечах...
Парят над аулом орлы в облаках.

И думал я: людям не страшен мороз,
Когда под рукою есть хворосту воз.

Белла АХМАДУЛИНА

Поэма в нескольких эпизодах
с диалогами и хором поклонников.

Эпизод первый

Мороз крепчал. Он был сердит.
Я умоляла: — Уходи!
Я говорила: — Это гадко!
Что за несносная повадка
В мои дела совать свой нос?
Зачем ты мне? Мне нужен воз,
Мне хворост нужен и лошадка.
Пусть — кляча! Это ничего!
Мне нужен мальчик! В полушубке!
Миниатюрный, очень хрупкий,
Чтобы он хоть хилым, хоть плохим,
Но весь вошел в мои стихи...
Мороз ответил: — Ладно, Белла!
И сразу резко потеплело.

Самуил МАРШАК

Вот
происходят
какие
дела:
Из лесу
хворост
лошадка
везла.
Это,
ребята,
еще не конец,
Вел
под уздцы
лошаденку
малец.
Хворост
годится,
чтоб печку
топить.
Хворост
похвальной
собрать,
чем купить.

Леонид МАРТЫНОВ

Кнутом
подбадривая мерина,
Который плелся неуверенно,
Шагал малыш по насту снежному,
Стремясь к чему-то неизбежному.
На нем была шинель матросская,
Снег покрывал ее, как пудрою,
И в этом было что-то плоское
И в то же время очень мудрое.
И что-то было очень личное,
И даже несколько печальное,
В известном смысле
Фантастичное,
Но в высшей степени реальное.
На парня глядя уходящего,
Себя представил я идущим
За зримой гранью настоящего,
На стыке прошлого с грядущим.
Пути сковала гололедица.
Я начал мальчика преследовать.
К нему хотел я присоседиться,
Чтоб с ним немного побеседовать,
Но осложнилось положение:
В знакомстве было мне отказано,
И ждать не надо
Продолжения
Того,
Что было
Здесь
Рассказано.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

В те морозные дни зимы
Кто здоров был, а кто простужен,
Но печей не топили мы,
Хворост тоже нам был не нужен.

Но запомню я до конца
Понимающий взгляд лошадки,
Семилетнего сорванца
И большие его перчатки.

Полушубок... В веснушках нос...
Все запомню я так, как было,
И дровишек тяжелый воз,
Тот, что лошадь с трудом тащила.

Мне б на деле, не на словах,
Проторить в ту эпоху тропку,
Чтоб на липсовых тех дровах
Приготовить друзьям похлебку.

Сильва КАПУТИКЯН

Старый ишак выбивался из сил.
Из лесу хворост малютка возил.
Снежный туман закрывал Арарат
Шел мальчуган без пути, наугад...

Вьюга... Буран... А ему ничего!
Я бы хотела быть мамой его!

Борис СЛУЦКИЙ

До дому было три километра,
Лошадь в гору тащилась из лесу.
Ей приходилось шагать против ветра,
Но она решила:

Выдюжу! Вылезу!
Мороз шел в атаку,
сгущалась мгла,
Гремела вьюги свирепая музыка.
И кляча бы выдюжить не могла,
Если б не воля малыша-карапузика.
Мальш под уздцы ее важно вел,
Даже вьюга не запрограммировала
сдавленный плач его...
Природа сильна, но ее произвол
Ничто
перед силой упорства ребячьего.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Нечего радоваться:
Мороз — сорок градусов.
С утра
По радио:
— Мороз — сорок градусов!
Стужа, будто
К виску
 наган.
В старье обута,
В снегу
 нога,
Пацан
 шагал...
Сезанн... Шагал...
А в неослабевающем
Гуле пурги
Копошились, как только что
Родившиеся котята,
Какие-то лишённые углов квадраты.
Карта бита:
 валет, девятка,
Замедленной съёмкой —
 лошадка.
Примерная скорость,
 как у «Запорожца»,
Был бы хворост,
Остальное приложится!

Семен КИРСАНОВ

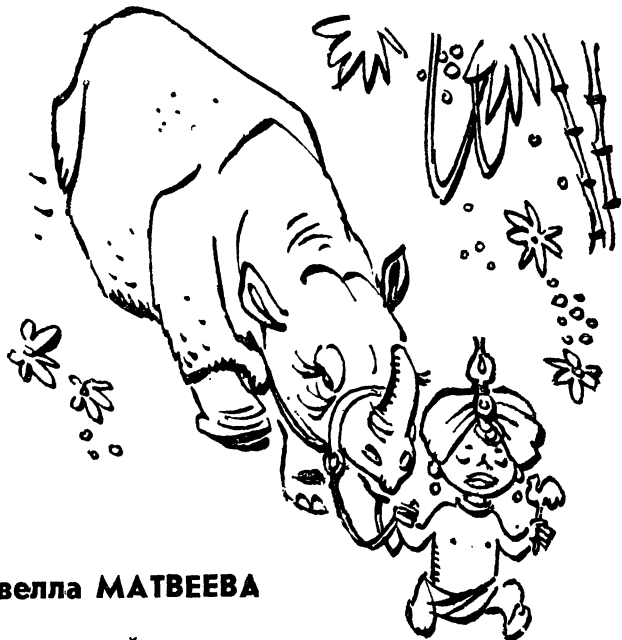
Лес. Елки.
Колкий
 мороз,
Лютый, как волки,
Рос и рос.
Елей иголки,
Челки берез
Дрожали, как кляча,
Плача без слез.
А та шагала,
Сани тянула.
Трудно шагать —
Шагала сутуло.
А рядом — тулуп, отцовские
 валенки
И мальчик в больших рукавицах,
Маленький,
От мороза розовый,
Розово-морозовый.
Ос-тер
Нос,
Тер,
Тер
Нос
Хворосту воз
Вез.
Мороз крепчал,
Рыча, качал
Дубы,
Дабы
Сгубить мальчика.
Малец его не замечал
Лишь пот
 стирал
 с лица.
А там, в лесу, —
И в этом суть —
Стучал
 топор
 отца.

Сергей НАРОВЧАТОВ

Из лесу малыш возил дрова.
Сквозь застывших елей кружева
На меня, реальный и живой,
Шел ребенок в шапке меховой.
Головой качал усталый конь...
Где дрова, там пища и огонь,
И тепло, и отдых, и уют,
Но всего, о чем пишу я тут,
Не было!..

Кружилась голова.
Я и лес придумал и дрова.
Не качала лошадь головой,
Не было и шапки меховой.

Новелла МАТВЕЕВА

Шел из джунглей малыш
и сосал леденцы,
Шел и выглядел очень убого,
Шел, как дождь на рассвете,
и вел под уздцы
Голубого самца-носорога.
Голубой носорог
Был прекрасен, как бог,
Но ни в черта не веря, ни в бога,
Мальчик с пальчик шагал и шагал...
Он был строг
И в сердцах погонял носорога.
Но добряк носорог
шел вперед не спеша,
Не греша,
Без гроша,
Только трудно дыша,
Потому что любил малыша.

ОТКУДА ДРОВИШКИ!

Мне навстречу попался малыш —
Мужичок с ноготок.
В полушубке овчинном, в отцовских больших рукавицах.
Он кобылу усталую из лесу вел под уздцы,
И кнутом погонял, и в сердцах называл ее «мертвой»,
Та тащила с трудом нагруженные хворостом сани.
— Здравствуй, сударь! — радушно приветствовал я малыша.—
Здравствуй, сударь! — сказал я.— Откуда везешь
ты дровишки?

Он ответил:

— А ну тебя к богу! Иди, куда шел!
Был жестокий мороз, приблизительно градусов тридцать.
Почему же так грубо меня этот мальчик отшил?
Сам сперва я не понял, однако потом догадался:
Он отцу помогал —
Был отец у него бедняком,
И большую семью нелегко прокормить ему было.
Я об этом читал,
Где, не помню, но где-то читал.
И, однако, напрасно малыш мне ответил так грубо.
— Здравствуй, сударь! — при встрече я только ему и сказал,
Я просил его только ответить,
Откуда дровишки?

Вера ЗВЯГИНЦЕВА

Ту картину, грустную до слез,
Не смогу забыть я до могилы:
Шествовал малыш, презрев мороз,
Натянув отцовские бахилы.
Релегко без хворосту зимой...
Бедный мальчик!.. Бедная лошадка!..
Многое еще покрыто тьмой,
Многое для нас еще загадка.

Булат ОКУДЖАВА

В довоенной телогрейке,
в рваной шапке меховой
По Плющихе, по Арбату
брел малыш, едва живой.
До утра не унимался,
не стихал в Москве буран...
Где, малыш, твоя лошадка?
Где твой хвост, мальчуган?
Посмотрите, обойдите
все московские дворы.
Сколько щибета и визга!
Сколько звонкой детворы!
Запускаются ракеты,
барабанит барабан...
Где же, где твоя лошадка,
где твой хвост, мальчуган?
Вспомни, мама, не таким ли
сам я тоже в детстве был?
Я ведь тоже, вспомни, мама,
хвост из лесу возил.
Почему молчит гитара
и не вторит ей баян?
Погоняй свою лошадку,
Плюнь на стужу, мальчуган!

Наум КОРЖАВИН

Все с азов, сначала, по порядку:
Был мороз. Зимою это было.
Мальчик погонял кнутом лошадку,
Та повозку с хворостом тащила.

И, следя за парнем уходящим,
Думал я: у всех своя работа,
Все мы каждый день повозки тащим
С хворостом тяжелого чего-то.

С хворостом чужих предвзятых мнений,
Принятых на веру, без отбора,
С хворостом раздумий и сомнений
Или зарифмованного вздора.

ФЕЛЬЕТОНЫ

Чуть-чуть	3
Торжество справедливости	5
«Добрят»	7
Преображение	9
Когда-нибудь...	11
Перечитываем Крылова	13
Птички божьи	15
Брань	17
Диалоги	19
Живучие анахронизмы	21
Праздничные размышления сатирика	26

ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ

Талант и консультант	29
Слава и заплата	30
Лягушка и Вол	31
Повезло!	32
Добрый гад	32
Кривая роста	33
Мартышка и Очки	34
На правильном пути	35

ПАРОДИИ

ПОЭТЫ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Терпение (Евг. Винокуров)	37
Звон (Михаил Луконин)	38
Мое имя (Роберт Рождественский)	39
Кто виноват? (Борис Заходер)	40
Порой весна... (Вадим Шефлер)	40

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА

Сергей Смирнов	42
Павел Антокольский	43
Михаил Светлов	44
Расул Гамзатов	45
Белла Ахмадулина	46
Самуил Маршак	47
Леонид Мартынов	48
Ярослав Смеляков	49
Сильва Капутикян	50
Борис Слуцкий	51
Андрей Вознесенский	53
Семен Кирсанов	55
Сергей Наровчатов	56
Новелла Матвеева	57
Вл. Солоухин	59
Вера Звягинцева	60
Булат Окуджава	61
Наум Коржавин	62

ЧУТЬ-ЧУТЬ...

ВЛАДИМИР ЗАХАРОВИЧ МАСС

Редактор В. Л и ф ш и ц

Техн. редактор А. В. Котельникова.

Сдано в набор 16/IX 1970 г. А 00113. Подписано к печати 30/XII 1970 г.
Формат бумаги 70×108^{1/32}. Объем 2,80 усл. печ. л. 3,23 учетно-изд. л.
Тираж 225 000. Цена 18 коп. Изд. № 2272. Заказ № 2610.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 18 коп.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА
1970